

Для ученого/автора научного дискурса – научной публикации – главной целью является доведение до сведения научной общественности результата своего научного исследования, нового знания, полученного путем наблюдения, опытов, логических и мыслительных операций. С другой стороны, для вовлеченного в процесс коммуникации читателя научный текст является источником получения и извлечения содержащихся в нем знаний, информации, опыта. Иными словами, научный текст – это предмет и объект анализа, результатом которого является выявление определенного видения мира, знаний, оценок.

Поскольку коммуникативно-прагматический аспект «связан непосредственно со структурированием текста и представлением полученного результата адресату» [3, с. 67], то важнейшей задачей автора научной публикации является правильное распределение информации. Коммуникативная функция распределения информации заключается в обеспечении «связности и непрерывности потока информации», маркировании «коммуникативной установки текста и прагматической цели автора», что создает «предпосылки интерпретируемости текста адресатом» [2, с. 17].

Как известно, каноническая схема структуры научной публикации включает введение, основную часть и заключение. При этом обобщающая информация концентрируется во введении и заключении, значение которых трудно переоценить, так как «начальная и заключительная позиции любого текстового сообщения запускают процесс общения автора текста и его адресата, маркируют коммуникативно-прагматические акценты содержания» [3, с. 81].

В научном дискурсе наиболее важна объективность, строгость в передаче фактов, поскольку автор/адресант передает определенные знания, которые читатель/адресат должен понять и усвоить.

При работе над содержанием текста читатель должен обладать не только фоновыми знаниями, но и знанием языка, его структур и элементов, принимающих «непосредственное участие» в представлении информации.

Поскольку автор с максимальной объективностью предьявляет сведения, знания, то научному дискурсу присуща наибольшая степень нейтральности, что подтверждается отсутствием местоимения первого лица. Автор «нейтрализуется» также с помощью употребления различных безличных выражений и конструкций (*известно, представляется, как было показано, сказано и т.д.*).

С целью нейтральной констатации достоверных фактов и знаний в научных публикациях используется преимущественно настоящее время изъявительного наклонения. Высказывания с глаголами в настоящем времени передают результат мыслительной и психической деятельности: автор информирует читателя о знании как форме хранения известных истин и средстве получения новых знаний [1, с. 9].

Основными грамматическими значениями глагольного настоящего времени в научном дискурсе являются: *настоящее постоянное (le présent permanent)*, с помощью которого автор передает знание постоянных (статических) свойств объекта; *настоящее невременное (le présent atemporel)* – знание факта реальной действительности, признанное истинным коллективом, обществом, человечеством; *настоящее вневременное (le présent intemporel)* – новое знание как умозаключение [1, с. 8].

Однако, несмотря на стремление максимально отстраниться от передаваемой информации, автор научной публикации вольно или невольно высказывает свое личное отношение к уже существующему знанию, то есть выражает свою эмотивную оценку, которая «представляет личное отношение автора к знанию и выражает различные оттенки согласия/несогласия, одобрения/неодобрения и другие реакции к тому или иному компоненту знания», хотя, безусловно, в научном дискурсе преобладает «рациональная оценочность, выражающая теоретичность мышления» [3, с. 68].

Таким образом, задаче передачи знаний адресату подчинена вся деятельность ученого/автора при написании научного текста, который он соответствующим образом структурирует и моделирует, отбирает наиболее оптимальные языковые средства для выражения своих научных взглядов.

Несоблюдение норм текстовой организации, а также коммуникативно-речевых норм представления авторского результата могут стать факторами, тормозящими восприятие научного результата сообществом [3, с. 70].

Список использованной литературы

1. Грушецкая, Е. Н. Семантика и прагматика формы настоящего времени индикатива в тексте современного французского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Е.Н. Грушецкая. – Минск: МГЛУ, 2008. – 20 с.
2. Карпилович, Т. П. Информационная структура текста в когнитивно-дискурсивном аспекте / Т. П. Карпилович // Грамматические исследования : Материалы II Междунар. науч. конф. (Минск, 5–6 ноября 2003 г.). – Минск : МГЛУ, 2004. – С. 15–18.
3. Чернявская, В. Е. Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема / В. Е. Чернявская. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – 144 с.

УДК 811.161.1'373.21(476.5)

АРТИОНИМЫ, ВОСХОДЯЩИЕ К ИМЕНАМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СФЕРЫ ИСКУССТВА

Дулова Юлия Владимировна

аспирант кафедры общего и русского языкознания
учреждения образования «Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова»
(г. Витебск, Беларусь)

В статье осуществляется анализ названий живописных и графических работ, мотивированных именами представителей сферы искусства. Выявляются особенности их номинации и функционирования в артионимном пространстве региона.

На современном этапе развития науки особое внимание ономатологи уделяют исследованию ономов, относящихся к ономастической периферии. Будучи собственными именами произведений изобразительного искусства [4, с. 38], артионимы обладают значительным лингвокультурологическим потенциалом, поскольку способны свидетельствовать о культуре, истории и духовном развитии конкретного общества и/или народа. Л. А. Климова утверждает, что ономы периферийной зоны содержат «большой ассоциативный потенциал, доступный большинству носителей языка и составляющий фоновые знания определенного этноса» [3, с. 47].

Значимым для восприятия онима реципиентом являются те фоновые знания, к которым апеллирует автор названия. Для успешной коммуникации автора и реципиента должна быть привлечена не только лингвистическая, но и экстралингвистическая информация, в первую очередь важнейшие сведения об истории и культуре региона.

Основные источники пополнения ономастической лексики – это онимизация апеллатива и трансономизация. Частотными единицами, используемыми в составе артионимов, являются антропонимы. *Цель исследования* – выявить номинативные особенности артионимов, восходящих к именам представителей сферы искусства.

Материалом исследования выступили названия произведений живописи и графики, собранные методом сплошной выборки из списков коллекций основного фонда Витебского областного краеведческого музея, данных информационного ресурса «Художники Витебщины», интернет-ресурсов. Для достижения поставленной цели в ходе исследования были использованы дескриптивный и сравнительно-сопоставительный методы.

Витебский регион по праву считается родиной многих известных художников, скульпторов, архитекторов и др., что нашло отражение и в названиях картин. Артионимы, мотивированные именами представителей сферы искусства, составляют 44,6% от общего количества наименований с прецедентным компонентом, выявленных в имеющемся в нашем распоряжении материале.

К наиболее обширной группе артионимов относятся названия произведений живописи и графики, восходящие к именам художников. Еще до создания студии Ю. М. Пэна и до открытия Витебского художественного училища на территории современной Витебской области жил и творил известный художник И. Ф. Хуцкий: В. И. Ральцевич «Памяти Хруцкого», В. П. Напреенко серия «На пленэре И. Хруцкого», И. Ф. Хруцкий «В коммунах усадьбы художника И. Ф. Хруцкого. Захарниччи». Фиксация фамилии художника в названии его же произведения позволяет предположить, что артионим был дан третьим лицом.

Обращаясь к истории витебской художественной школы, нельзя не отметить значимость отдельных личностей в ее соз-

дании. У истоков витебской школы стоял известный художник Ю. М. Пэн. Открытую им в 1896 (1897) г. студию можно считать первым художественным учебным заведением в Беларуси. Ее учениками были многие талантливые художники, в том числе и М. Шагал [1]: И. Ю. Боровский «Этюд к Пэну», «Юрий Моисеевич Пэн», В. И. Кухарев «Марк Шагал», триптих «Марк Шагал», Ю. М. Пэн «Портрет Марка Шагала», В. А. Белый «Белый, Бэлла и Шагал», С. М. Гершов «Марк Шагал».

Примечательным представляется обращение к изображению коллег по цеху и, соответственно, фиксация их имен в артионимии: И. В. Могучая «Портрет художника А. Мему-са», И. Ю. Боровский «Портрет художника Г. Ф. Шутова», В. Ф. Крук «Я. Дроздович».

Небольшую подгруппу составляют артионимы, мотивированные именами фотохудожников, художников театра, скульпторов, архитекторов: Ю. М. Пэн «Портрет художника театра И. Е. Мальцина», И. Ю. Боровский «Портрет архитектора З. И. Озеровой», «Портрет Народного художника БССР Е. Д. Николаева в период работы над пьесой-хроникой М. Шatroва «6 июля», Ф. Ф. Гумен «Миша Шмерлинг. Фотохудожник», И. Ю. Боровский «Портрет скульптора А. Н. Торосяна», А. В. Малей «Портрет Слепова А.», А. Э. Духовников «Дом архитектора Кибардина». При этом названия произведений искусства фиксируют как принадлежность данного полотна к жанру портрета, так и деятельность, и результаты деятельности изображенных лиц.

В артионимии Белорусского Поозерья зафиксированы имена актеров, в разные годы работавших в Национальном академическом драматическом театре имени Якуба Коласа: В. И. Кухарев «Портрет актрисы Галины Дягилевой», «Портрет заслуженной артистки Н. С. Белинской», Л. С. Ран «Портрет народного артиста В. А. Кулешова», П. М. Явич, «Портрет народного артиста БССР Н. П. Звездочетова», «Портрет народного артиста СССР А. Ильинского», «Портрет народного артиста СССР П. Молчанова», В. И. Кухарев «Народный артист Ф. Шмаков», «Артистка Г Маркина», М. В. Левкович «Портрет актрисы Раисы Грибович», «Белорусский актер Петр Ламан в роли Радзивилла Рыжего», Ф. Ф. Гумен «Актриса Светлана Окружная». Структурно приведенные наименования схожи. В них присутствует указание на профессию и зачастую на жанр полотна.

Имена литературных деятелей, зафиксированные в артионимии Белорусского Поозерья, соотносятся в первую очередь с национальной белорусской литературой: О. А. Сковородко «Максим Богданович», «Рыгор Бородулин», А. И. Мемус «Наш Короткевич», В. А. Андросов «Народный поэт Белоруссии Якуб Колас», Г. П. Киселев «Я. Купала», Л. С. Ран «Я. Купала и Тетка около Черного моря», В. Ф. Крук «Василь Быков», Ф. Ф. Гумен «Поэт Давид Симанович», А. Ф. Ковалев «Белорусский писатель и поэт Сергей Разбоев», «Белорусский поэт Б. П. Бележенко».

Т. В. Ефремова утверждает, что «упоминание имен других художников в названиях произведений американского живописного искусства первой половины XX века чаще всего связано с портретным изображением знаменитых художников и прямо указывает на персоналию, изображенную на картине» [2, с. 15]. Подобную тенденцию демонстрирует и имеющийся в нашем распоряжении материал. Это подчеркивается лексикой, входящей в состав артионима, в частности использованием слова-классификатора *портрет*. Кроме того, артионим сообщает сведения об изображенном человеке при помощи иных лексем: *поэт, художник, актер, артист, архитектор* и т.п., указывающих на его профессию.

Важной особенностью артионимов, восходящих к именам представителей сферы искусства, является преимущественное обращение к национальному фонду. Имена представителей других культур фиксируются в меньшей степени: А. И. Мемус «По Дюреру», В. Н. Вольнов «Муза Малевича», Л. С. Антимонов «Портрет П. Пикассо», И. Ю. Боровский «Пушкин А. С.», О. А. Сковородко «Сергей Есенин», Б. Н. Кузьмичев «Читая Шекспира», С. М. Гершов «Моцарт» и др., что составляет 12,9% от общего количества артионимов, в состав которых входят прецедентные имена.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении материал демонстрирует, что артионимы, мотивированные именами представителей сферы искусства, свойственны в первую очередь портретной живописи и графике. В названиях произведе-

ний авторов Белорусского Поозерья зафиксирована информация о художниках, архитекторах, писателях и поэтах, музыкантах как Беларуси, так и иных стран, которая воплощается, в том числе и при помощи лексем *художник, поэт, актер* и др. При этом ярко выражена апелляция к именам персоналий, так или иначе связанных с витебским регионом.

Список использованной литературы

1. Гугнин, Н. Из истории Витебской художественной школы / Н. Гугнин // Шагаловский сборник. Материалы I–V Шагаловских дней в Витебске (1991–1995). – Витебск : издатель Н. А. Паньков, 1996. – С. 101–115.
2. Ефремова, Т. В. Названия картин американских художников XX–XXI веков (опыт дискурсивного описания) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т. В. Ефремова. – Самара, 2013. – 25 с.
3. Климова, Л. А. Немецкие и русские артионимы в сопоставительном рассмотрении (на материале названий произведений изобразительного искусства) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Л. А. Климова. – Волгоград, 2017. – 210 с.
4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская; отв. ред. А. В. Суперанская. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

УДК 811.161.3

БИБЛЕЙСКАЯ АФАРИСТЫКА Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ (ЛЕКСІКАГРАФІЧНЫ АСПЕКТ)

Іваноў Яўген Яўгенавіч

загадчык кафедры тэарэтычнай і прыкладнай лінгвістыкі
ўстанова адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова”,
кандыдат філалагічных навук, дацэнт
(г. Магілёў, Беларусь)

Вызначаны прынцыпы і прапанаваны ўзор сістэмнага і комплекснага лінгвістычнага апісання крылатых афарызмаў, якія паходзяць з Бібліі і ўжываюцца ў сучаснай беларускай літаратурнай мове, у спецыяльным даведніку нарматыўнага тыпу (тлумачальным слоўніку з гістарычна-этымалагічнымі каментарыямі і адпаведнікамі ў рускай мове).

У беларускай літаратурнай мове значны пласт адзінак складаюць крылатыя словы як уласна беларускага паходжання [15], так і запазычаныя з іншых моў [4; 5; 12; 13; 14]. З вялікай колькасцю іншамоўных крыніц (мастацкіх твораў, публіцыстыкі, філасофскіх і навуковых тэкстаў, выказванняў вядомых асоб, фальклорных тэкстаў і інш.) у беларускую мову ўвайшлі толькі тыя адзінкі, якія ў найбольшай ступені адпавядаюць светапогляду, звычайным і эстэтычным уяўленням беларусаў.

Немалую частку крылатых слоў складаюць афарызмы [10], да якіх мэтазгодна адносяць закончаныя выказванні абагульнена-ўніверсальнага зместу [7; 11; 16]. Крылатыя афарызмы, што ўжываюцца ў сучаснай беларускай літаратурнай мове, адрозніваюцца спецыфічнымі моўнымі ўласцівасцямі і патрабуюць спецыяльнага вывучэння і лексікаграфічнага апісання. Крылатыя афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове на сённяшні дзень вельмі мала даследаваны і лексікаграфічна амаль не апісаны. Так, крылатыя афарызмы з уласна беларускіх крыніц часткова адлюстраваны ў вядомым зборніку “Крылатыя словы і афарызмы” (1960) [15]. Некаторыя крылатыя афарызмы з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII да н.э. – XX стст. прадстаўлены ў тлумачальным слоўніку “Крылатыя афарызмы ў беларускай мове” (2011) [8]. Беларускія крылатыя афарызмы з біблейскіх крыніц часткова адлюстраваны ў полілінгвальным слоўніку крылатых выразаў і афарызмаў у англійскай, беларускай, нямецкай, рускай, славацкай і ўкраінскай мовах “Лепта біблейскай мудрасці” (2014) [1].

Папярэднія даследаванні паказалі, што ў сучаснай беларускай літаратурнай мове ўжываецца значная колькасць крылатых выразаў і афарызмаў, якія паходзяць з Бібліі [9]. Такія крылатыя выразы і афарызмы мэтазгодна апісваюць асобна ў спецыяльных лінгвістычных даведніках біблейскага, у тым ліку на шырокім моўным фоне [2; 3; 6].

¹ Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў (разам з РФФД) у рамках навуковага праекта № Г18Р-301.